

Репрезентация российских пространств и их этнического многообразия в путевой прозе XIX века (Урало-Поволжский регион)

Наталья Б. Граматчикова

Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия, n.gramatchikova@gmail.com
ORCID 0000-0002-2585-7399

Аннотация. *Статья написана на материале очерковой путевой прозы XIX века, соединяющей в себе традиции эпистолярной прозы, травелогов и ранних этнографических описаний. Беллетристические описания путешествий А.А. Фукс, М.В. Авдеева по Поволжью, Башкирии и Оренбуржью имели целью познакомить широкую читательскую аудиторию с разнообразием природы и народонаселения Российской империи, ввести в литературу объемный пласт новых образов, связанных с историко-культурным ландшафтом российских территорий. В статье показано, как характер контактов с пространством и его обитателями зависит от способа передвижения автора, каким образом формируется хронологическая составляющая текста, какую роль играет вводимый авторами широкий контекст поездки, включающий устные источники, опору на литературную традицию и научную литературу. А. Фукс, исключая из путевых очерков содержание собранного ею в поволжских деревнях этнографического и фольклорного материала, добросовестно отмечает широкий и прихотливый контекст своих взаимодействий с местным населением, фиксируя, таким образом, скрытую, субъективную сторону науки. В дорожных записках М. Авдеева документальность повествования сочетается с беллетристическим построением сюжета и яркой образностью. Разнообразие авторской позиции и видов использованного транспорта позволили ему стать одним из первых разработчиков языка описания популярных маршрутов поездки на кумыс и минеральные воды. В статье отмечается, что каждый вид транспорта формирует свой характер общения, порождает свой хронотоп и служит своим целям, в том числе и литературным.*

Ключевые слова: *путевая проза, травелог, очерк, А.А. Фукс, М.В. Авдеев, удмурты (вотяки), чувашаи, башкиры, гужевой транспорт.*

Для цитирования: *Граматчикова Н.Б. Репрезентация российских пространств и их этнического многообразия в путевой прозе XIX века (Урало-Поволжский регион) // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 440–456. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-438-454.*

Representation of Russian Spaces and Their Ethnic Diversity in Travelogues of the XIX Century (Ural-Volga Region)

Natalia B. Gramatchikova
Institute of History and Archeology
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia n.gramatchikova@gmail.com
ORCID 0000-0002-2585-7399

Abstract. *The article is based on the material of essays of the XIX century, combining the traditions of epistolary prose, travelogues and early ethnographic descriptions. The fictional descriptions of the travels of A.A. Fuchs, M.V. Avdeev in the Volga region, Bashkiria and Orenburg were intended to acquaint a wide readership with the diversity of nature and population of the Russian Empire, to introduce into the literature a voluminous layer of new images associated with the historical and cultural landscape of Russian territories. The article shows how the nature of contacts with space and its inhabitants depends on the author's mode of movement, how the chronotopic component of the text is formed, what role is played by the wide context of the trip introduced by the authors, including oral sources, reliance on literary tradition and scientific literature. Fuchs, excluding from travel essays the content of ethnographic and folklore material collected by her in Volga villages, conscientiously notes the broad and whimsical context of her interactions with the local population, thus fixing the hidden, subjective side of science. In M. Avdeev's travel notes, the documentary nature of the narrative is combined with the fictional construction of the plot and vivid imagery. The variety of the author's position and the types of transport used by him allowed him to become one of the first developers of the language for describing popular routes to Kumys and mineralnye vody. The article notes that each type of transport forms its own character of communication with informants, generates its own chronotope and serves its own purposes, including literary ones.*

Keywords: *travel prose, travelogue, essay, A.A. Fuchs, M.V. Avdeev, Udmurts (Votyaks), Chuvash, Bashkirs, horse-drawn transport.*

For citation: *Gramatchikova, N.B. (2023), "Representation of Russian Spaces and Their Ethnic Diversity in Travelogues of the XIX Century (Ural-Volga Region)", Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 440–456. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-438-454.*

Введение

Литература XIX века оставила богатейшие описания этнического и геокультурного разнообразия России в нескольких художественных парадигмах, от сентиментализма до реализма. Принято считать, что интерес к иным культурам был большей частью воспитан романтизмом и остро востребован в процессах нациестроительства, захвативших Европу XIX века [Miller, Berger 2015]. Антропологический поворот, характерный для гуманитаристики двух последних десятилетий, позволяет прочитать беллетристические этнографические описания XIX века: путевые заметки, очерки и письма с дороги, т. е. тревелогии в широком смысле, разместив исследовательский вопрос на стыке эпистемологии и герменевтики. Нас интересует, каким

образом логистика – транспортное обеспечение выездов «в поле» – повлияла на форму публичного представления материала; существует ли устойчивая связь между способом передвижения пишущего (гужевым транспортом, железнодорожным или водным) и характером его письма. Некоторые исследователи видят дискурсы письма целиком совпадающими с видом транспорта путешествующих и прослеживают прямую связь между типом транспортного сообщения и образом места, формирующимся в описаниях пассажиров [Власова 2011]. В проанализированных нами текстах видно, что способы описания, скорее, следуют за практиками использования, т. е. в некоторых случаях при смене транспорта остаются прежними (например, в поездах едут, как прежде, в каретах, «просто нынче стали так возить»³²⁶, в других – более сложно дифференцированы, в зависимости от маршрута, класса езды и др. Авторы травелогов XIX века встречаются с новой для литературы задачей: как сделать описания путешествий по России (теперь доступных многим, но все еще утомительно-долгих и требующих многократных пересадок) занимательными для широкой читательской аудитории.

Из очеркового наследия XIX века мы выбрали несколько текстов, чьи авторы в равной степени были наделены и талантом литератора, и этнографическим азартом, хотя и не относили себя к научному сообществу. Наше внимание будет сосредоточено на очерках Александры Андреевны Фукс и Михаила Васильевича Авдеева. Безусловно, их текстами обозначенная тема не исчерпывается (тем более, что для XIX века характерен быстрый прогресс российской транспортной системы), и в путевых очерках их современников и последователей: Е.А. Вердеревского, П.И. Небольсина, Ф.М. Решетникова, Д.М. Мамина-Сибиряка, Н.Д. Телешова и других, – мы находим обильный материал для дальнейшей разработки проблемы. Все эти авторы путешествовали по Поволжью, Уралу и Приуралью, начиная с 1830-х гг., с большим любопытством вглядываясь в природное своеобразие и пестроту этнического «ковра» этих мест. Их журнальные и газетные тексты содержали не только описания быта и нравов народов Урала, но и впечатления авторов от преодоления российских пространств.

Выбор авторов, в большинстве своем принадлежащих к так называемым «писателям второго ряда», видится актуальным в контексте формулируемой исследователями смежных гуманитарных дисциплин (истории, антропологии, социологии и др.), необходимости (ре)интеграции в исследовательское поле прежде исключенных из него групп, обнаруженных в оптике «новой этики», «уязвимости» и др.³²⁷. Разделяя с коллегами постструктуралистское смещение методологического фокуса с автора на текст для беллетристов XIX века [Козлов 2017, с. 179], попробуем обнаружить ресурс там, где автор, стараясь увлечь и развлечь читателя, включает в текст массу (авто)биографических подробностей, «слишком человеческих», откровенно субъективных, оценочных и др. Такая оптика вполне соответствует признанию

³²⁶ Авдеев М.В. Поездка на кумыс. С. 290 // Авдеев М. В. Поездка на кумыс. Роман. Рассказы. Очерк. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. 384 с.

³²⁷ Brodiex-Dolino A. Le concept de 'vulnérabilité' [Электронный ресурс] // La Vie des idées. 2016, le 11 février. URL: Le concept de vulnérabilité - La Vie des idées (laviedesidees.fr) (дата обращения 11 июня 2023).

субъективности как конституирующей части науки, сменяющему отношению к научному знанию как нейтральному, «объективному», очищенному от личного. Если согласиться, что каждое путешествие – это в некотором роде испытание, то оно, часто неожиданно, делает видимыми и обратимыми установленные прежде социальные отношения. Из испытаний «люди обязательно выходят... преобразенными, даже если это преобразование заключается в подтверждении их прежнего статуса и социальной идентичности», – пишет французский социолог С. Лемье, осмысляя наследие своего соотечественника М. Поллака [Lemieux 2008].

Не-«сентиментальная путешественница» Александра Фукс

Александра Андреевна Фукс (1805–1853), основательница литературного салона в Казани, жена профессора и ректора Императорского Казанского университета Карла Федоровича Фукса, была разносторонне одаренным человеком, не боявшимся пробовать новое³²⁸. Первой среди российских писательниц она оставила после себя этнографические очерки, созданные по итогам ее поездок «в поле»: к чувашам, марийцам (черемисам) и удмуртам (вотякам). Для репрезентации своих наблюдений она выбрала форму писем, написанных в диалоге с мужем – ученым-естествоиспытателем.

Обратим внимание на «Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии»³²⁹ и «Поездку к вотякам Казанской губернии»³³⁰. Отправляясь в родные ей места (родившись в Чебоксарах, Александра Фукс в юности подолгу жила в деревнях Исенево, Казанбаши), Фукс берет на себя миссию собрать полевой материал по религиозным практикам, обрядам и обычаям народов Поволжья, оставляя последующую обработку собранного своему мужу, фигура которого в ее текстах олицетворяет академическую науку: объективную, спокойную, безэмоциональную³³¹. Такого рода ролевое сотрудничество было принято между супругами Фукс: так, например, «повесть в стихах» об основании Казани на основании татарских преданий, написанная Александрой Андреевной, предварялась историческим предисловием Карла Федоровича Фукса «Болгары и основание Казани»³³². Себя же А. Фукс именует «сентиментальной путешественницей»: ее маршрут определяется не только научными целями, но и посещением родных мест. Однако это не носталь-

³²⁸ Об этом подробнее, см., например: Бобров Е.А. А. Фукс и казанские литераторы 30–40-х годов // Русская старина. 1904. Июнь. С. 482–509. Июль – август – сентябрь. С. 3-5; Аристов В.В. Журнал «Заволжский муравей» и его авторы // Казанская периодическая печать XIX – начала XX века: библиогр. указатели. Казань: изд-во Казанского ун-та, 1991. С. 5-18.

³²⁹ Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, Типография Императорского Казанского университета, 1840. 329 с.

³³⁰ Фукс 1844 - Фукс А.А. Поездка к вотякам Казанской губернии (Письма А. А. Фукс к супругу ее, К. Ф. Фукеу) [Электронный ресурс] // Прибавления к Казанским губернским ведомостям 1844, №№ 14, 16, 17, 19, 22, 26, 29. URL: Периодика дореволюционной Чувашии | Библиотека в цифровом формате (echznchr.blogspot.com) (дата обращения 11 июня 2023).

³³¹ Монография К. Фукса о казанских татарах начинается с изложения статистических данных (Фукс К., 2013). В этом отношении образ К. Фукса полностью соответствует тому, что сегодня осознается как «каноническая форма научного знания», т. е. белая, мужская, гетеросексуальная, средняя/высшая классовая, христианская и трудоспособная перспектива исследования [Ellis и др. 2010].

³³² Фукс К.Ф. Предисловие. Болгары и основание Казани // Основание города Казани. Повесть в стихах, взятая из татарских преданий Александрю Фукс. Казань, Университетская типография, 1836. С. III-XXXIX.

гические поездки, но скорее, попытка нового взгляда на знакомое прежде, введение в научный оборот новых данных. В этом отношении можно говорить о наличии в текстах А. Фукс элементов автоэтнографии, т. е. такого «подхода к исследованию и написанию статей, который направлен на описание и систематический анализ личного опыта с целью понимания культурного опыта» [Ellis и др. 2011]. Записки А. Фукс можно рассматривать и как образец «женского письма», с его большей уязвимостью и меньшей императивностью следования канонам. Принятые в XIX веке нормы восприятия и описания «инородцев» у Фукс не позволяют скрыть их стигматизированность при всей авторской расположенности к ним³³³, однако сегодня очевидно и другое: сама Александра Фукс, автор текста, оказывается в ситуации уязвимости, когда заходит на «территорию науки», отчего и передает право письма мужу как более компетентному «настоящему» ученому. В целом же публикация путевых очерков «сентиментальной путешественницы» А. Фукс в «Казанских губернских ведомостях» и журнале «Заволжский муравей» вполне соответствует современному требованию повышения доступности исследовательских текстов для разных групп читателей, в том числе неакадемической среды³³⁴.

Научный дискурс XIX–XX вв. предполагал доминирование рационального, дистанцированного, – мужского – типа письма, которое и осуществлял К.Ф. Фукс, чьи письма образуют диалогический гипертекст с очерками жены. Диалогизм женской и мужской позиции можно рассматривать с привычной академической позиции как нейтрализацию женской эмоциональности и впечатлительности мужской рассудительностью [Созина 2020, с. 468]. Авторские ремарки А. Фукс настойчиво подталкивают к такой интерпретации: текст изобилует извинениями («Ты скажешь, что я принялась за это поздно...»³³⁵), обесцениванием собственных усилий и риторикой уничижения («Сердце женское, особенно материнское, никуда не годится; с ним ничего не сделаешь: тоскует, да и только. Я воображаю, что мое описание чуваш будет очень жалкое. Может быть, я принимаюсь не за свое дело; но я решилась, дала тебе обещание, и исполняю его с удовольствием»)³³⁶. Обратим внимание, что А. Фукс охотно прибегает к «женской позиции» и в тех случаях, когда научность изложения требует дополнительных усилий, оставляя их мужу-ученому: здесь «женское» становится синонимичным прихотливому, необязательному, вариативному. Во многом это коррелирует с самим характером поездки А. Фукс: маршрут повозки Александры Фукс зависит и от погоды (нужно долго ждать переправы из-за ветра на

³³³ Любопытным опытом представляется чтение путевых записок А. Фукс в свете рекомендаций Отчета Европейской комиссии об этике исследований в антропологии и этнографии: в письмах А. Фукс, ориентированных на процессуальность полевого этапа исследования, его «кухню», присутствуют многие мотивы, вынесенные в названия глав Отчета: «Работа с предрассудками», «Установление доверия», «Вовлечение субъектов исследования» и др. См.: Iphofen R. *Research Ethics* [Электронный ресурс] // *Ethnography/Anthropology*, pp. 49-55. URL: ethics-guide-ethnog-anthrop_en.pdf (europa.eu) (дата обращения 11 июня 2023).

³³⁴ См. об Пономарев П.А. Казанская периодическая пресса. «Заволжский муравей» // Казанский литературный сборник. 1878. Казань: тип. М. А. Гладышевой, 1878. С. 177-222, а также [Созина, 2016.].

³³⁵ Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, Типография Императорского Казанского университета, 1840. С. 52.

³³⁶ Там же, с. 1.

Волге), и от прихоти кучера («моему кучеру рассудилось ехать далее, и он меня привез в Липовую деревню к моему старому знакомцу...»³³⁷). Между тем из сопоставления с более поздними мужскими текстами М.В. Авдеева, Д.Н. Мамина-Сибиряка и др. становится очевидно, что женская манера письма Фукс не мешает ей планировать маршрут, руководить ямщиками, регулировать отношения с горничной (и даже идти с ней пешком, бросив коляску) – оставляя все это в тени повествования как несоответствующее образу «сентиментальной путешественницы». В текстах путешественников-мужчин мы обнаружим много больше сетований на поведение спутников, слуг и ямщиков. Фукс же невзгоды пути переносит вполне стоически: однажды пьянство хозяина постоялой избы вынуждает ее провести ночь в коляске, нажив простуду, однако это не останавливает путницу.

В отношении транспорта Александра Фукс находится в безальтернативной ситуации: деревни вотяков, марийцев и удмуртов в 1830–1840-х гг. достижимы только на гужевом транспорте. Движение текста заметок Фукс, как и движение ее экипажа, подчиняется целям автора: путешественнице нужно не только добраться до нерусских поселений вдаль от больших дорог, но и найти информантов на полевых работах – крестьяне, ушедшие на покосы, с опаской воспринимают подобные визиты «на поля». Текст то трогается в путь («Прощай, закладывают лошадей»³³⁸), то замирает (пятидневное богомолье в Цивильске исключается из рассказа), то приобретает черты потенциального, становясь обещанием мужу (соскучившись по мужу, Фукс переносит сбор материала по чувашским свадьбам: «Осенью все увижу, все опишу, и ты мной будешь доволен»³³⁹).

Александра Фукс активно и без посредников взаимодействует с местными жителями: удивляется чистоте и опрятности молодухи Катерины (д. Липовая), уступает настойчивости «чувашенина», прикрикнувшего на гостью-барыню, брезгающую пивом («Ты, матушка, больно черемонна, ведь ты не Царь, и Царь бы отведал») ³⁴⁰, вместе с русскими крестьянами дожидается окончания «непристойностей» на чувашских поминках, после которых русские собирают все оставленное на могилах; принимает интерпретации своей судьбы и положения и от русского богомольца, и от впечатленной смелостью барыни чувашки (без мужа едешь – «знать, другого любишь»³⁴¹). Жанровая природа путевых записок А. Фукс позволяет ей не включать в повествование сам собранный материал, но для каждой попытки его сбора, успешной или не вполне, фиксировать контекст этого опыта: для изложения «основ религий» Фукс приходится поднести старикам стакан вина, старухи рассказывают ей об обрядах сами, радуясь слушателю, «неприятные зрелища» встречаются в каждой главе, и автор заметок избегает их просмотра, не испытывая исследовательского долженствования. Впрочем, и во время зрелища достойного, но скучного (многочасового моления) она просто уходит

³³⁷ Там же, с. 2.

³³⁸ Там же, с. 37.

³³⁹ Там же, с. 24.

³⁴⁰ Там же, с. 9.

³⁴¹ Там же, с. 37.

и засыпает: «Я вышла из терпения, пошла в рощу, позавтракала, заснула, а они все еще молились...»³⁴².

Итак, текст заведомо выборочен, что не отменяет установки автора на строгую достоверность описываемого: «...Ты знаешь, что я не пишу того, чего не увижу своими глазами, или не узнаю наверное»³⁴³ [там же, с. 12]. Таким образом, плотная сеть включенных в текст А. Фукс взаимодействий воссоздает контекст полевого исследования не менее богатый, нежели собранные ею, с ориентацией на работы мужа-профессора, данные, но работающий в иной, «невидимой» для науки прошлой эпохи, парадигме³⁴⁴.

Исследователь неизбежно «преобразуется» полем, которое представляется ситуацией испытания его теоретических воззрений и способности прислушиваться к иной логике, отказавшись от утешительной простоты теоретических объяснений³⁴⁵.

Кроме опыта встречи с «чужим/иным», А. Фукс переживает встречу с собственным прошлым, что составляет более разработанную часть «сентиментальных путешествий». Посещая места юности и молодости, она ожидаемо обнаруживает, что «всеистребляющее время все уничтожило до жалости»³⁴⁶, вновь и вновь переживая «стеснение сердца». В значимом для нас аспекте отметим, что преимуществом пешего путника здесь становится выбор ракурса осмотра места: «Бестолковые улицы, узенькие переулки и неопрятность города несомны до того, что невольно закроешь глаза. Поднимаюсь уже на гору, увидишь Волгу, и опять восхитишься Чебоксарами»³⁴⁷.

Сочетание мотива «встречи с прошлым» при посещении родных мест с этнографическим их разнообразием найдет дальнейшее воплощение в очерках М. В. Авдеева.

Поездки М. Авдеева: из столиц в «сердце России»

Михаил Васильевич Авдеев (1821–1876), известный в свое время беллетрист и критик [Авдеев 2020], путешествовал, в основном, по указаниям врачей. Однако наблюдательность, хорошее чувство юмора и любовь к просторам родного ему Оренбургского края – «именно края, а не губернии»³⁴⁸ – позволяли ему описывать дорожные впечатления занимательно для читателей. В произведениях М. Авдеева усложняются способы выражения автор-

³⁴² Там же, с. 22. О диапазоне приемлемых эмоций в этнографической беллетристике XIX века подробнее [Грамотчикова 2021].

³⁴³ Там же, с. 12.

³⁴⁴ Не только данные А. А. Фукс становятся основой теоретических работ ее мужа-профессора, но и ее полевая работа ориентирована на его умозаключения. А. Фукс оценивает произносимое информантами, исходя из установок, сформированных на основании работ мужа, и, в свою очередь, полемизирует с ним. Так, например, она сравнивает записанную молитву с переведенной мужем прежде: «Я знаю, ты недоволен моими письмами и верно скажешь: нет объяснений, нет замечаний. – Успокойся: все будет в конце писем. Эта поездка есть только приступ к моему описанию» (Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, Типография Императорского Казанского университета, 1840. С. 32).

³⁴⁵ Французские социологи во введении к «Руководству по проведению полевых исследований» обращают внимание на необходимость постоянного возвращения не только к результатам исследования, но к тому, каким образом они получены [Beard, Weber 2003].

³⁴⁶ Там же, с. 10.

³⁴⁷ Там же, с. 44.

³⁴⁸ Авдеев М.В. Горы // Отечественные записки. 1851. Т. 79. № 11/12. С. 153-210.

ской позиции, а кроме того, обнаруживается разнообразие видов передвижения, доступных путешественнику по России в середине XIX века.

Урал, открываемый в XIX веке массовому читателю, дает несколько образов, которые затем разворачиваются, распространяясь на все российское пространство. Один из таких гиперболизированных контрастов – «в России сочетается несочетаемое», «Россия – место встречи Европы и Азии» – рождается как раз в Оренбургском крае, огромная территория которого действительно ошеломляет природным и этническим разнообразием. Рассказ М. Авдеева «Горы» (1855) открывается гиперболизированной и одновременно документальной фиксацией контрастных сочетаний, как климатических («в Гурьеве зреет виноград... на границе Вятской Губернии поспевают одна репа»), так и этнических («На этом пространстве живут Киргизы, Калмыки, Башкиры, Мордва, Чуваши, Татары, Черемисы, Мещеряки, Тептяри – всех и не перечтешь»), и цивилизационных (здесь «Европа сошлась с Азией, пароход встречается с верблюдом и танцевальная зала дворянского собрания, по проекту Тона, в двадцати верстах от кочевой кибитки»³⁴⁹).

Сквозной оппозицией повествования Авдеева в «Горах» и позднее в «Дорожных заметках» (1857) становится противопоставление и нераздельность европейского и азиатского по тому же принципу, по какому устроены дома в Башкирии, где европейское обличье служит проводником в азиатское внутреннее, интимное пространство жилища. Авдеев-автор озабочен соблюдением баланса достоверности и занимательности своих очерков: полное описание дороги в пять тысяч верст утомительно, однако входит в авторский замысел – «безопасно» провезти читателя «всеми степями и горами вплоть до Тифлиса»³⁵⁰. Первоначальную редукцию впечатлений осуществляет записная книжка, на основании которой, если верить автору, строится композиционное распределение глав («скачками»), объемы которых зависят от скорости передвижения по территории.

В путевых очерках Авдеева тарантас, а затем «азиатская кибитка» знаменуют начало и конец пути: от дома до вокзала либо от пристани до места. Именно конная повозка позволяет сделать, например, отъезд из Уфы по-человечески теплым: переправившись через Дёму и Белую, путник имеет возможность проститься с городом, целиком окинув его взглядом. Только так в Уфе и обнаруживается городской облик: «Просторно раскинувшись по горам и оврагам, и, своим, большею частью, деревянным строением, она стояла издали, как и быть городу»³⁵¹. В отличие от Фукса, за редкими исключениями «не пускающей» в свою эпистолярную беседу с мужем и читателями второстепенных персонажей (горничную и ямщика), Авдеев обращает внимание на то, как передвижение в повозке образует некую новую семейственность: путнику предстоит проводить многие часы между «бритым затылком татарина-ямщика» и новым слугой, чей характер пока неясен. Это ближайшее окружение непосредственно влияет на реализацию авторских

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ Авдеев М.В. Дорожные заметки (Из поездки на Кавказ) [Электронный ресурс] // Авдеев М. В. Сочинения. Т. 1. Санкт-Петербург, изд-во Ф. Стелловского, 1868. URL: Lib.ru/Классика: Авдеев Михаил Васильевич. Дорожные заметки (дата обращения 11 июня 2023).

³⁵¹ Там же, глава 1.

планов. Так, возможное знакомство с Серноводском окажется сорванным из-за неспособности ямщика к минимальной импровизации: «...Я велел было ямщику провезти себя из конца в конец; но он крайне затруднился, каким образом можно ехать не по той улице, которой обыкновенно ездят; в раздумье, потер себе затылок, вдарил по лошадям и повез обыкновенной дорогой»³⁵². И все же передвижение в экипаже позволяет «своротить с большой дороги» и регулировать скорость движения. Авдеев неоднократно повторяет³⁵³, что предпочитает ехать сутками напролет, обнаруживая себя то среди большого села, «спящего первым сном» на границе степи, то на переправе через безымянную речку, прислушиваясь к свисту змей (с. Каменный брод), сполна переживая ощущение рубежа перед погружением в безбрежность степного пространства: «Тоскливое чувство овладело мною. Мне будто грустно было пуститься в это поросшее былием и полынью земляное море и хотелось пред тем поглядеть на что-нибудь живое... Что за безжизненность кругом – точно и здесь какая-то людская степь!»³⁵⁴.

Именно конные экипажи в наибольшей мере вписаны в среду, приближены к ней. Поезда максимально унифицированы, различаясь публикой и ее классом; пароходы занимают промежуточное положение, выделяясь собственным названием и обликом, как, например, «Обвинец», он же «Кособеня» на Колве, в очерке Н. П. Белдыцкого «В Парме»³⁵⁵. У А. Фукс, передвигающейся в пределах губернии, повозка находится в зоне «невидимого», она исключена из текста как нечто очевидное.

Просторы Оренбургской губернии позволяют М. Авдееву отразить момент сдвига привычных культурных образов: в одном пространстве оказываются его азиатская повозка, «родная пустыне», и «русское село со своим спокойным тружеником-мужиком», которое кажется ночным миражом под «казачьим солнышком» (месяцем). При этом мотив Оренбуржья как южного фронта России, связанный с напряжением и опасностями, у Авдеева, уроженца этих мест, отсутствует и замещен экзистенциальными переживаниями, родственными изображенному И. Левитаном («Над вечным покоем»): «Едешь уединенно по этой безграничной пустыне и неприятное чувство пустоты сжимает сердце. Хоть бы страх какой, хоть бы опасность взволновали и разбудили вас – нет! Едешь в спокойном тарантасе, как в одинокой лодке по умершему океану без бурь, островов и берега. <...> Один только звук [крик степной птицы – Н. Г.], мерный, тоскливый, звонкий встает над пустыней и длительно прозвучав в ночном воздухе, умирает на минуту. Какой великий, какой томительный простор!...»³⁵⁶

³⁵² Там же, глава 2.

³⁵³ Авдеев М.В. Поездка на кумыс. Роман. Рассказы. Очерк. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. С. 314.

³⁵⁴ Авдеев М.В. Дорожные заметки (Из поездки на Кавказ) [Электронный ресурс] // Авдеев М. В. Сочинения. Т. 1. Санкт-Петербург, изд-во Ф. Стелловского, 1868. Глава 5. URL: Lib.ru/Классика: Авдеев Михаил Васильевич. Дорожные заметки (дата обращения 11 июня 2023).

³⁵⁵ Белдыцкий Н.П. В Парме. Очерки северной части Чердынского уезда // В Парме. Сост., предл. и комм. Н. Ф. Авериной. Пермь: Кн. изд-во, 1988. С. 340.

³⁵⁶ Авдеев М.В. Дорожные заметки (Из поездки на Кавказ) [Электронный ресурс] // Авдеев М. В. Сочинения. Т. 1. Санкт-Петербург, изд-во Ф. Стелловского, 1868. Глава 5. URL: Lib.ru/Классика: Авдеев Михаил Васильевич. Дорожные заметки (дата обращения 11 июня 2023).

«Поездка на кумыс» (1852) представляет собой путевые очерки, композиционно стилизованные под письма. Это произведение Авдеева строится на постоянной смене наполнения оппозиции «свое-чужое». Адресуясь столичным читателям, автор позиционирует и себя как человека, ценящего комфорт городской жизни («столичное-провинциальное»: «теплые, живо-трепещущие» новости довозят до провинции перевранными и «простывашими»), и это не говоря уже об удовольствиях театра, маскарадов, газового освещения и др.) и держащего руку на пульсе цивилизации: со знанием дела Авдеев описывает железнодорожное сообщение между Петербургом и Москвой, где петербуржцы и москвичи встречаются в станционных буфетах, обмениваясь приветами и новостями³⁵⁷. Мосты, виадуки и вокзальные помещения железной дороги «изящны, удобны и часто великолепны»: накрытые для пассажиров блюда еще горячи, обеды из пяти блюд с кофе и моционом занимают не более получаса; ночью почти нет надобности в свечах – все дремлют в своих креслах.

С одной стороны, паромы и паровозы – близкая родня («Чертов конь – огнёвке брат»)³⁵⁸, с другой – практики пользования ими сильно различаются: экипажи привозят пассажиров и уезжают, вокзал быстро пустеет, однако покупка билетов происходит перед выездом: в этом явно видят канцелярскую формальность, предпочитая сперва сдать багаж, а затем покупать и «прописывать» билет. Все эти хлопоты не дают состояться печали разлуки – все время отвлекают. Чувства приглушены: Авдеев хотя и упоминает о разных типах пассажиров («немец с общенемецкой физиономией»³⁵⁹), однако большого любопытства к ним не испытывает. Роль медиаторов исполняют кондукторы, пассажиров не покидает нервозность: на платформе они не отходят от вагона «боясь остаться», как ранее боялись, что не хватит билетов или мест, при каждом свистке суматоха и суета возобновляются, – так поезда скоростью и строгим следованием расписанию привязывают к себе внимание путников.

Отличительное и исключительное свойство русского путника, по Авдееву, – «он в дороге не эгоист»³⁶⁰. Редко и мало пользуясь общим транспортом, не имея возможности купить отдельное место, русский путник в общественном поезде либо почтовой карете «отрекается от своей личности, делается уступчив, услужлив и нетребователен», «он наперед обрекает себя на эти маленькие неприятности»³⁶¹. «Право ничего не делать и не заниматься в дороге многие находят одним из ее наслаждений»³⁶². Модернизация затрагивает не все аспекты жизни: и в новом поезде есть «верные старине» люди с узелками – «плодами собственной предусмотрительности и кухни или нежной заботливости своих знакомых»³⁶³; да и дорожные трактиры все

³⁵⁷ О реакции других представителей литературного сообщества на развитие железных дорог и связанные с этим социальные изменения, см., например [Шенк 2016].

³⁵⁸ Авдеев М.В. Поездка на кумыс. Роман. Рассказы. Очерк. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. С. 287.

³⁵⁹ Там же, с. 296.

³⁶⁰ Там же, с. 291.

³⁶¹ Там же.

³⁶² Там же.

³⁶³ Там же, с. 299.

те же, «и не изменили их не время, ни порядочные дороги, ни общественные экипажи и увеличившийся проезд»³⁶⁴.

Часть пути от столиц на Урал можно проехать речным транспортом. Небольшой фрагмент о пароходном сообщении содержится в «Дорожных заметках», где автор пытается с помощью «изобретения ума человеческого» «верст на четыреста спасти свои бока от различного рода толчков и тряски»³⁶⁵, да и в «Поездке на Кумыс» старается избежать «весьма незавидный летний тракт между Нижним и Казанью»³⁶⁶.

Удобства пароходов в середине XIX века условны, хотя Авдеев и приветствует «начало прекрасного дела, которое со временем должно принять огромное развитие»: они удешевляют и делают комфортнее дорогу, однако путник лишается какой-либо возможности организации своего времени – по Волге пароходы «бегают» вне расписания, узнать об их прибытии можно только от ямщиков либо дежуря на пристани днями. В «Дорожных заметках» терпение автора истощается третий день и, потратив пару часов на подписание билета на переправу, он отправляется из Самары на почтовых. Ожидание в несколько часов неизбежно на любой последующей переправе, в это время вынужденного бездействия воля путника слабеет, и он оказывается на границе между сном и бодрствованием («в эти минуты всякий из нас более или менее сочинитель»³⁶⁷. Здесь-то и происходят «подслушивания» историй русскоязычных типажей, как например, сетований незадачливого чиновника, упустившего арестанта и др. Подобные «предпаромные ожидания» П.Н. Рыбникова, как известно, обогатили русскую фольклористку открытием живой былинной традиции, да и М. Авдеев отмечает, что его переправа через Клязьму под песни паромщиков была одной из самых веселых.

В «Поездке на кумыс» неторопливое путешествие на пароходе, предсказуемое по маршруту, уравнивает представленность «внешнего» и «внутреннего» пространства: времени достаточно и для знакомств и наблюдений (пассажиров не более двух десятков), и для созерцания берегов, от которого отвлекает борьба с комарами в каютах. Обзор берегов у Авдеева напоминает апгрейд речного путеводителя: вот древний Печерский монастырь, съехавший по подмытому речному склону вниз, село Лысково, схоронившее за три дня по приезду парохода своего столетнего хозяина и др. – такие новости поступают от рулевых либо новоприбывших пассажиров. Ощущение домашнего, теплого пространства поддерживается еще и тем, что часть провожающих плывет до соседней пристани, чтобы оттуда вернуться в Самару. Ожидаемая печаль разлуки так и не наступает, затерявшись в веселье совместной гулянки в общей каюте.

³⁶⁴ Там же, с. 291.

³⁶⁵ Авдеев М.В. Дорожные заметки (Из поездки на Кавказ) [Электронный ресурс] // Авдеев М. В. Сочинения. Т. 1. Санкт-Петербург, изд-во Ф. Стелловского, 1868. Глава 3. URL: Lib.ru/Классика: Авдеев Михаил Васильевич. Дорожные заметки (дата обращения 11 июня 2023).

³⁶⁶ Авдеев М.В. Поездка на кумыс. Роман. Рассказы. Очерк. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. С. 311.

³⁶⁷ Авдеев М.В. Дорожные заметки (Из поездки на Кавказ) [Электронный ресурс] // Авдеев М. В. Сочинения. Т. 1. Санкт-Петербург, изд-во Ф. Стелловского, 1868. Глава 4. URL: Lib.ru/Классика: Авдеев Михаил Васильевич. Дорожные заметки (дата обращения 11 июня 2023).

При этом в «Поездке на кумыс» вновь, как прежде в «Дорожных заметках», но уже не на степных рубежах, в мягкой пыли южных дорог, а на пароходе, возникает мотив некоторой утомительной предсказуемости этого комфорта: «Плавание весною на речном пароходе мало подвержено случайностям: нет ни мелей, ни перекатов, фарватер широк, ночи светлые и коротки, и потому пароходы на ночь не останавливаются»³⁶⁸. Как если бы прежде задачи заинтересовать читателя травелогом, автор искал и свои способы разнообразить тысячевёрстный путь.

Впрочем, зоны мало событийного комфорта длятся недолго: за Волгой начинается иная жизнь. И по Авдееву, меняющему в этой части свою идентичность, наслаждение прибыть в Петербург осенью уступает только желанию покинуть его весной, чтобы отправиться в провинцию, в степь, где «сердце России»³⁶⁹.

Вслед за описаниями столичных жителей в путевых очерках Авдеева появляется картина жизни губернского города, хорошо знакомого автору, представляющего «страну неведомую» для читателей³⁷⁰. Жизнь в губернском городе устроена своеобразно, хотя и довольно просто: «губернские города – города самолюбивые», они хотя и нравятся и очаровывают при первом знакомстве, но затем начинается собственно жизнь, когда «каждый занимает свое место в общественной сфере. Видность этого места есть лучшая прелесть губернской жизни»³⁷¹. В губернском городе никто не «незаметный атом», но важный рычаг сообщества: «Губернская жизнь так несложна, что в ней всякое колесо на виду»³⁷².

И для А. Фука, и для М. Авдеева характерны риторические повторы-опасения возможной читательской скуки и настойчивое позиционирование собственной очерковой прозы как малозначимой, но небезынтересной («не придаю этим очеркам претензии на серьёзный труд и только желаю моим читателям не повстречаться в них со скукой») ³⁷³. В случае путевой прозы Авдеева мы видим два устойчивых приема: во-первых, для опытного путешественника и огромное пространство, и длинная дорога размечены личными приметами и ожиданиями: чем толще личный (пока еще не культурный) слой воспоминаний и впечатлений, тем с большей уверенностью пишущий работает со временем, перемещаясь во время езды то в прошлое, то в будущее: в безлюдье подсыхающих озер разлива вокруг Нижнего Новгорода Авдеев провидит, как скоро, спеша к ярмарке, «тысячи мастеровых бросятся возобновлять этот огромный город, живущий в год только два месяца»³⁷⁴; переезжая через мост у Боголюбова, рассказывает историю про его обрушение в прошлом и гибель паломников. Путешествующим на почтовой карете доступно к осмотру немного: исторические памятники «довольно

³⁶⁸ Авдеев М.В. Поездка на кумыс. Роман. Рассказы. Очерк. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. С. 311.

³⁶⁹ Там же, с. 287.

³⁷⁰ Там же, с. 304.

³⁷¹ Там же, с. 304-305.

³⁷² Там же.

³⁷³ Там же, с. 299.

³⁷⁴ Там же, с. 303.

редки на пути»³⁷⁵, тем большее значение имеют «хорошие сафьянные диваны на пружинах – вещь, которая единожды встречается в гостиницах всего моего двух тысячевёрстного пути» в Вязниках³⁷⁶, и крайняя нелюбезность хозяйки ресторана в Гороховцах, на любую просьбу постояльцев отвечающей «нежны больно!»³⁷⁷ и др.

Несмотря на то, что одним из сквозных мотивов всей жизнетворческой стратегии Авдеева было желание избежать литературоцентризма российской жизни [Козлов 2016, с. 38], все же выработка языка описания преодоления тысячевёрстных пространств «без скуки» лучше всего удастся посредством именно литературы: во Владимире указывается гостиница, известная по «Тарантасу» В. Соллогуба, под Казанью выразительное описание «дунькина-[о]врага» соседствует с историей угрюмого особняка в д. Шураны, воспетого в повестях Марлинского. Тем не менее, ироничный настрой автора по отношению к современному ему литературному процессу легко прочитывается в сценке беседы русского и немца о современных авторах; здесь доброжелательная интонация путеводителя сменяется публицистическим запалом, вполне уместным и в современной медиасреде.

Путь от Санкт-Петербурга до Башкирии занимает у Авдеева около восьми суток, наихудшая дорога – от Казани до Уфы. За Казанью больше нет «ни пароходов, ни паровозов, ни почтовой кареты к услугам проезжающего, ни гостиниц для его питания», начинается «езда на поэтической разбитой тройке», путник едет «в тарантасе с деревянными осями, которые горят всю дорогу, с пуховыми подушками и перинами от ряски и запасом провизии на несколько суток, потому что путь идет по стране, в которой можно найти только самовар с горячей водой да там и сям одну какую-нибудь курицу»³⁷⁸. Все это обеспечивает успех вольных почт, услугами которых охотно пользуются обеспеченные проезжающие. Меню также постепенно ухудшается: в Чистополе меню существует «для видимости», в Бугульме нет уже и этого, лишь соленая рыба, которая «была не очень хороша», «по сознанию даже самого трактирщика»³⁷⁹. Последние трое суток путники пьют только чай.

В Оренбургской губернии дорога улучшается и хороша вплоть до Стерлитамака, благодаря местному покрытию из «хряща», и автор уже не скрывает свою радость от возвращения в знакомый и любимый край, выступая в роли проводника для своих спутников, также приехавших на лечение кумысом. Башкирия рождает иное ощущение пространства, нежели Оренбургский край. Там человек встречается с безмерностью: «Здравствуй, знакомое мне и родное безлюдье! – писал Авдеев в «Дорожных заметках». – От Кокана до Кавказа, обхватив Алар и Каспий, разнообразно меня жителей, климаты, небо, и едва меняя оттенки, ты затопило целый край России»³⁸⁰.

³⁷⁵ Там же, с. 299.

³⁷⁶ Там же, с. 300.

³⁷⁷ Там же, с. 302.

³⁷⁸ Там же, с. 314.

³⁷⁹ Там же, с. 316.

³⁸⁰ Авдеев М.В. Дорожные заметки (Из поездки на Кавказ) [Электронный ресурс] // Авдеев М. В. Сочинения. Т. 1. Санкт-Петербург, изд-во Ф. Стелловского, 1868. Глава 5. URL: Lib.ru/Классика: Авдеев Михаил Васильевич. Дорожные заметки (дата обращения 11 июня 2023).

Башкирия вся оживлена разнообразными человеческими контактами. Авдеев с юмором описывает свой розыгрыш спутников при первом знакомстве их с кумысом, а далее переходит к рассказу о лечебных свойствах напитка, не отягощая текст риторическими конструкциями, которые были типичны для предыдущего поколения южноуральских литераторов (к примеру, В. Зефинова и др.): Авдеев выступает как знаток края и его обычаев, не извиняясь за это перед читателем, но с усмешкой разоблачая мифы и стереотипы о быте кочевников. Рассказ о кумысе становится рассказом о турсуках как лучших сосудах для кумыса, придающих «отзыв кожи и дыма» «благородному напитку», и о жизни башкир в целом³⁸¹. По Авдееву, только отсутствие инфраструктуры для лечения не позволяет пользоваться этим даром природы тем, у кого нет личных знакомств среди местных жителей. Регулярность потребления вырабатывает привычку: к кумысу ли, к устрицам или к специфическим сортам сыра.

Представления Авдеева о быте, хозяйствовании и характерах башкир подтверждены многолетним общением с ними, хотя включают и стереотипные сравнения с русскими (кому лучше жить: русскому мужику-земледельцу или башкиру-коневоду), и элементы стигматизации степняков («Башкирцы вообще народ здоровый, умный, хитрый и в высшей степени ленивый и праздничный»³⁸²). И в то же время «полудикая и полудевственная» природа Башкирии, летние долгие дни в тишине, среди лесов и пастбищ, ввиду гор-шиханов – детей одной «разрозненной и разметанной» семьи – настолько полны внутренней жизни, что Авдеев, несколько раз извиняясь перед читателем за задержку, все же страницу за страницей длит описания все новых подробностей из жизни края. Здесь перед автором встает иная задача: как увлечь читателя описанием жизни той, «хороша только для себя, и описывать ее здесь не место и у меня не было в намерении», которая полна «подробностей живых, любопытных и разнообразных, когда они бросаются в глаза в действительности, сухих, и может быть, мало интересных на бумаге»³⁸³.

Впрочем, довольно сухое окончание очерка заставляет думать, что сам автор не был вполне уверен, что буквальное следование принципу «нон-фикшн» (я «не обещал рассказывать небывалые приключения какого-нибудь героя или говорить о вещах и бывалых, но лично до меня касающихся, я хотел только описать поездку на кумыс так, как она была, – и сдержал свое обещание»)³⁸⁴ состоялось как успешное и смогло заменить любимые им вымышленные истории, имитирующие «случаи из жизни», как в рассказе «Горы».

Заключение

Итак, путевые очерки А. Фукса и М. Авдеева в оптике антропологии движения подтверждают высокий исследовательский потенциал путевой прозы и этнографической беллетристики XIX века. Оправдываясь в безыс-

³⁸¹ Авдеев М.В. Поездка на кумыс. Роман. Рассказы. Очерк. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. С. 320.

³⁸² Там же, с. 320.

³⁸³ Там же, с. 331.

³⁸⁴ Там же, с. 332.

кусности, извиняясь за задержки, уверяя в скромности своих притязаний, авторы неуклонно разрабатывали язык говорения об опыте проживания пространства в новой эпохе, предлагавшей путешествующим разные степени мобильности и комфорта.

Для публицистически-документальной прозы середины XIX века конная тройка оказалась не столько поэтическим образом, сколько востребованным начальным способом путешествия до железнодорожных или речных транспортных артерий, а затем – «в глубинку». Чем более опытен путешественник, тем увереннее его «разметка пространств», где в повествовании равноценны хорошие гостиницы и трактиры и места, отмеченные на литературной карте. Пароходы и поезда, при внешней принадлежности эпохе модерна, создают разные пространства общения. Пароходы пока вообще исключают какой-либо график, кроме сезонного, зато легко для человеческого контакта (впрочем, следование расписанию будет слабым местом пароходства еще довольно долго – см. очерки М. Решетникова «Глухие места»³⁸⁵ и Д. Мамина-Сибиряка «От Урала до Москвы»)³⁸⁶. Поезда требуют большей привычки, в них, так же, как и на пароходах, выражено социальное расслоение, что более ярко проявится, например, у Мамина-Сибиряка. Однако ни пароходы, ни поезда пока не являются пространством контакта и репрезентации этнических сообществ, за исключением европейских наций.

По мере того, как развивалась транспортная сеть, конный транспорт не терял своего значения для индивидуальных путешественников, но изменял его. Так, в очерке Н. Телешова «На тройках» дорога от столицы до Ирбита становится пространством состязания купцов, таким образом «разогревающей кровь» перед знаменитой ярмаркой³⁸⁷. А неутомимый исследователь Урала Д. Н. Мамин-Сибиряк всего через 30 лет после путешествия Авдеева уверял, что «путешествие по железным дорогам и на пароходах, с их чиновничьими порядками, бестолковой сутолокой и угнетающим однообразием, давно надоело всем и каждому»³⁸⁸. Звонки, свистки, «и вообще потеря всякой самостоятельности отравляют путешествие по самым лучшим местам»³⁸⁹. Для своего путешествия Мамин, ценящий труд и инженерное искусство, вложенные в Уральскую железную дорогу, вполне сознательно выбирает конный экипаж, где «развертывается бесконечная поэзия странствования на полной своей воле... встречами и знакомствами, и с неизбежными приключениями», что в полной мере подтверждает текст его очерков³⁹⁰. Таким образом, путешественник-исследователь, выбирая транспорт, предопределяет не только скорость передвижения, но и характер проживания этого движения, режим восприятия территории и, в определенной степени, язык рассказа об этом.

³⁸⁵ Решетников Ф.М. Глухие места // В Парме. Сост., предисл. и комм. Н.Ф. Авериной. Пермь: Кн. изд-во, 1988. С. 130-161.

³⁸⁶ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы // В Парме. Сост., предисл. и комм. Н.Ф. Авериной. Пермь: Кн. изд-во, 1988. С. 162-298.

³⁸⁷ Телешов Н.Д. Рассказы. Повести. Легенды. [Электронный ресурс] М.: Сов. Россия, 1983. 336 с. URL: http://az.lib.ru/t/teleshov_n_d/text_1892_na_troykah.shtml (дата обращения 11 июня 2023)

³⁸⁸ Мамин-Сибиряк Д.Н. По Зауралью. Путевые заметки // Южный Урал. Литературно-художественный альманах. 1952. № 8–9. Челябинск, Челябинское обл. гос. изд-во, 1952. С. 16–87. С. 18.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Там же.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеев 2020 – *Авдеев М. В.* // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / Под ред. проф. Е. К. Созиной. Кн. 2. – М.: Изд. Дом ЯСК, 2020. – С. 971–988.

Власова 2011 – *Власова Е.Г.* В контакте с пространством: образ Урала в литературе путешествий XIX – начала XX вв. // По Каме и Уралу: путевые записки XIX – начала XX вв. / сост. и примеч. Д. А. Красноперова; вступ. статья Е. Г. Власовой; ред. Т. И. Быстрых; Центр. город. б-ка им. А. С. Пушкина. – Пермь, 2011. – С. VIII–XIX.

ГраMATчикова 2021 – *ГраMATчикова Н.Б.* Между дремой и дикостью: эмоции и эмпатия в этнографии XIX – начала XX вв. // Журнал Фронтирных исследований. 2021. № 1(21). Vol. 6. С. 69–92. DOI: 10.46539/JFS.V6I1.275.

Козлов 2016 – *Козлов А.Е.* К вопросу о литературной репутации М. В. Авдеева // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 36–45. DOI: 10.17223/18137083/54/4.

Козлов 2017 – *Козлов А.Е.* О диахронических исследованиях истории русской беллетристики XIX века // Вестник НГПУ: Новосибирского государственного пед. ун-та. 2017. № 2. С. 177–187. DOI: 10.15293/2226–3365.1702.12.

Созина 2016 – *Созина Е. К.* Репрезентация Восточной России на страницах казанского журнала «Заволжский муравей» (1832–1834) // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему». – Екатеринбург: «Кабинетный ученый», 2016. – С. 242–278.

Созина 2020 – *Созина Е.К.* «Между Европой и Азией». Ориенталистские мотивы Александры Фукс: Риторика письма и позиция автора // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. № 3. С. 465–475. DOI:10.35634/2224–9443–2020–14–3–465–475.

Шенк 2016 – *Шенк Ф.Б.* Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог / Ф. Б. Шенк, авториз. перевод с нем. М. Лавринович. – М.: НЛЮ, 2016. – 584 с.

Beaud, Weber 2003 – *Beaud S. and Weber F.* Guide de l'enquête de terrain, Nouvelle édition. Paris: La Découverte. 2003. 356 p.

Ellis 2010 – *Ellis C., Adams T. E., Bochner A. P.* Autoethnography: An Overview // Forum: Qualitative Social Research. 2010, 12(1), Art. 10, <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs1101108>. Available at: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1589/3095> (Assessed 11.06.2023).

Lemieux 2008 – *Lemieux C.* De la théorie de l'habitus à la sociologie des épreuves: relire L'expérience concentrationnaire // Israël (L.), Voldman (D.), dir., Michaël Pollak. De l'identité blessée à une sociologie des possibles, Paris, Editions Complexe, 2008, p. 179–205. Available at: 2007---Hommage-M.-Pollak.pdf (cuso.ch) (Assessed 11.06.2023)

Miller, Berger 2015 – *Miller A., Berger St.* Nationalizing Empires. Budapest; N.Y.: CEU Press, 2015. 692 p.

REFERENCES

Avdeev, M. V., (2020), In *The History of Literature of the Urals*. XIX century: in 2 books. / Ed. by prof. E. K. Sozina. Book 2. M.: ed. YASK House, pp. 971–988.

Beaud, S. and Weber, F. (2003), *Guide de l'enquête de terrain*. Nouvelle édition. Paris: La Découverte, 356.

Ellis, C., Adams, T.E., Bochner, A.P. (2010) “Autoethnography: An Overview”, *Qualitative Social Research*, 12(1), Art. 10, <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs1101108>. URL: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1589/3095> (Accessed 11 June 2023).

Gramatchikova, N.B. (2021), “Between drowsiness and savagery: emotions and empathy in ethnography of the XIX – early XX centuries”, *Journal of Frontier Studies*, no. 1(21), v. 6, pp. 69–92. doi: 10.46539/JFS.V6I1.275.

Kozlov, A.E. (2016), “On the question of M. V. Avdeev’s literary reputation”, *Siberian Philological Journal*, 1, pp. 36–45. doi: 1017223/18137083/54/4.

Kozlov, A.E. (2017), “On diachronic studies of the history of Russian fiction of the XIX century”, *Science for Education Today*, 2, pp. 177–187. doi: 10.15293/2226–3365.1702.12.

Lemieux, C., (2008), “De la théorie de l’habitus à la sociologie des épreuves: relire L’expérience concentrationnaire” In Israël (L.), Voldman (D.), dir., *Michaël Pollak. De l’identité blessée à une sociologie des possibles*, Paris, Editions Complexe, 2008, pp. 179–205. URL: 2007---Hommage-M.-Pollak.pdf (cuso.ch) (Accessed 11 June 2023).

Miller, A., Berger, St. (2015), *Nationalizing Empires*. Budapest; N.Y.: CEU Press, 692.

Schenk, F.B. (2016), *Poezd v sovremennost’. Mobil’nost’ i social’noe prostranstvo Rossii v vek zheleznykh dorog. (Train to Modernity. Mobility and Social Space of Russia in the Age of Railways)*, Trans. from German, Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moscow, p. 584.

Sozina, E.K. (2016), “Representation of Eastern Russia on the pages of the Kazan’s Magazine “Zavolzhsky Ant” (1832–1834)”, In *Literaturnyi process v regional’noi periodicheskoi pechati 1830–1930-kh gg.: ot «Zavolzhskogo murav’ya» k «Ural’skomu rabochemu» (Literary Process in the Regional Periodical Press of the 1830s–1930s: from “Zavolzhsky Ant” to “Ural Worker”)*, Ekaterinburg, «Kabinetnyi uchenyi», pp. 242–278.

Sozina, E.K. (2020), “«Between Europe and Asia». Orientalist narratives of Alexandra Fuchs: The rhetoric of writing and the author’s position”, *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, v. 14, iss. 3, pp. 465–475. doi: 10.35634/2224–9443–2020–14–3–465–475.

Vlasova, E.G. (2011), “In contact with space: the image of the Urals in the literature of the XIX – early XX centuries” In *Po Kame i Uralu: putevye zapiski XIX-nachala XX vv. (On the Kama and the Urals: travel notes of the late XIX-early XX centuries)*. Ed. by N. T. I. Bystikh. Perm, pp. 8–19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Борисовна Граматчикова, кандидат филологических наук, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16; *n.gramatchikova@gmail.com*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia B. Gramatchikova, Cand. of Sci. (Literature), Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia; 620990, Ekaterinburg, Russia, Sofia Kovalevskaya Street, 16. *n.gramatchikova@gmail.com*.